

А.И. Ковлер

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ФЕДЕРАЛИСТСКИЙ ПРОЕКТ

(историко-правовой очерк)

Анатолий Ковлер

**Европейская интеграция:
федералистский проект
(историко-правовой очерк)**

«Статут»

2016

УДК 341.17
ББК 67.910.621(4)

Ковлер А. И.

Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк) / А. И. Ковлер — «Статут», 2016

ISBN 978-5-8354-1273-0

В работе рассматриваются истоки федералистских концепций единой Европы и их воплощение в проектах европейской интеграции. Особое внимание уделяется поэтапному продвижению «европейской идеи» на практике. Анализируются федералистские черты институтов европейской интеграции. При этом дается широкая трактовка федерализма как совокупности идей и принципов общественного устройства. Не обделена вниманием борьба идей по вопросу о выборе путей европейской интеграции и полемика вокруг проектов европейской конституции, а также о месте Великобритании в Европейском Союзе. Для специалистов по международному и европейскому праву, историков, читателей, интересующихся политической историей.

УДК 341.17
ББК 67.910.621(4)

ISBN 978-5-8354-1273-0

© Ковлер А. И., 2016
© Статут, 2016

Содержание

Введение	5
Глава I	9
§ 1. Интеграционные тенденции в политической истории Европы	10
§ 2. Единая Европа как общецивилизационное пространство	14
§ 3. «Идея Европы»: от утопии к развернутым проектам	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатолий Иванович Ковлер

Европейская интеграция: федералистский проект (историко-правовой очерк)

Введение

*Посвящается памяти Александра Марковича Липянского
(Александра Марка), одного из архитекторов европейского федерализма*

Описывать события современной истории – занятие неблагодарное: все течет, все изменяется, уподобляя современного историка Пенелопе, чье рукоделие, сотканное за день, распускается ночью. И тем не менее велико искушение «дойти до самой сути» уникального в европейской, да и во всей мировой, истории явления Европейского Союза – союза государств, союза права, союза граждан, не впадая в его идеализацию, но и не отрицая его уникальности как в целом удачно осуществленного проекта.

Двадцатый век и продолжающий его век XXI займут в истории особое место. Необычайно насыщенные событиями мирового масштаба, они станут временем как практического воплощения проектов экономической и политической интеграции в масштабе регионов и целых континентов, так и распада существовавших десятилетиями интеграционных объединений. Казалось бы, две мировые войны, в которые с обеих сторон были вовлечены десятки стран, множество межгосударственных и региональных конфликтов, крушение империй, распад военно-политических и экономических блоков, федеративных государств – все предполагало нарастание динамики распада, национально-государственного изоляционизма, торжество идеи «государства-нации», ошестившегося своим суверенитетом против соседей, против всего мира, а прежде всего – против своих же граждан. Достаточно вспомнить события недавней истории, катком прошедшие по СССР и Югославии, распад СЭВ и Организации Варшавского договора, рост национального изоляционизма под флагом суверенизации на постсоветском пространстве.

Возможно, будущие историки более объективно объяснят, почему на фоне этих катализмов и исчезновения геополитических атлантид на Европейском континенте все же одержала верх не инерция распада, а тенденция к объединению. Можно объяснить ход истории фатальной предопределенностью исторических событий (исчерпание заряда «пассионарности», если обратиться к теории Льва Гумилева), либо некомпетентностью и злой волей правителей, либо борьбой так называемых классовых интересов и происками «зарубежной закулисы». Но существуют иные – объективно вызревшие – тенденции развития исторических событий, они-то в конечном счете и выносят историческим явлениям свой приговор: быть или не быть. Эти тенденции не действуют с механической предопределенностью. Для их проявления необходимо стечение целого ряда обстоятельств, подготовленность общественного мнения, профессионализм и готовность к активному действию правящих элит.

Эта в общем-то банальная мысль требует некоторого пояснения применительно к процессам интеграции в Европе и в современном мире. Интеграция (от лат. *integratio* – объединение в единое целое каких-либо частей) только тогда естественна, прочна и долговечна, когда государства без какого-либо силового принуждения, т.е. сознательно и добровольно, выражают стремление своих народов к объединению – экономическому, оборонительному, политическому. Это объединение, основанное на общем интересе и на четко сформулированной договорно-правовой основе, может предполагать различные степени автономии и сотрудниче-

ства, может быть в той или иной форме институционализированным, но при любых условиях оно должно быть свободным. В этом отличие подлинной демократической интеграции от интеграции имперского типа или интеграции как результата войн, аннексий или династических союзов.

Из существующих форм межгосударственной интеграции, охватывающих одну, например экономическую¹, или несколько² областей сотрудничества, наиболее всеохватывающей и прочной формой интеграции стала западноевропейская интеграция – Европейский Союз. Так, Б.Н. Топорин справедливо подчеркивал, что «в значительной мере это было предопределено сравнительно высоким уровнем экономического развития, общей культуры и профессиональной подготовки, навыков и приемов управления»³, а также, добавим от себя, мощной конкуренцией со стороны Соединенных Штатов и противостоянием в Европе двух блоков, – два последних обстоятельства объективно ускорили процессы западноевропейской интеграции. Вместе с тем процессу европейской интеграции способствовала также (а может быть, и прежде всего) вызревавшая веками идея единой Европы. «Создание Европы – или ее воссоздание – было подготовлено историей и идеями. Подлинное основание европейского единства заложено тем, что можно назвать «европейской традицией»»⁴, – пишет автор известного труда по европейскому праву Л. Карту. Именно поэтому объединенная Европа не была искусственным образованием, творением технократов. Возможно, на первых этапах ее институты несли на себе печать излишнего «технизма» и «экономизма» и был очевиден крен в сторону решения проблем на верхах, однако европейская политика была основана на давних интеллектуальных традициях, черпала идеи многочисленных проектов единой Европы. При этом «федералистская» традиция была и остается доминирующей⁵.

Уже стало несомненным то обстоятельство, что «европейская идея» издавна питалась теориями сторонников федеративного устройства объединенной Европы. При этом следует иметь в виду, что европейско-американское понятие федерализма как совокупности идей об обустройстве общества⁶ шире утвердившегося в отечественной науке и политической практике понятия федерализма в его узком смысле как отражения формы территориально-политического устройства. Правда, есть работы, в которых федерализм трактуется в широком смысле. Так, петербургский автор Д. Тэпс дает именно такую трактовку в духе «глобального федерализма», с которой мы согласны:

«Децентрализация власти является необходимым следствием развития гражданского общества, а интенсификация хозяйственной деятельности порождает потребность в едином экономическом пространстве. В духовной жизни это сопровождается стремлением к свободе и самоуправлению. Таким образом, федерализм возникает на стыке взаимоотношений государства и гражданского общества. Право и безопасность, своеобразие и свобода – вот то демократическое основание, на котором стали возможны федеративные государства. Актуальность сохранения целостности России

¹ Назовем Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), аналогичное соглашение стран Южной Америки – Меркосур (Южно-американский общий рынок). Более глубокую интеграцию в экономической области предполагал Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) стран социалистического лагеря.

² Это прежде всего военно-политические союзы (НАТО, Варшавский договор, СЕАТО и т.п.), межгосударственные региональные организации (ОАГ, ОАЕ, АСЕАН).

³ Топорин Б.Н. Европейские Сообщества: право и институты. М., 1992. С. 9.

⁴ Cartou L. Communautés européennes. Paris, 1986. P. 2.

⁵ Среди последних изданий на эту тему см.: Thürier D., Marro P.-Y. Integration européenne. Idées et alternatives. Paris, 2015.

⁶ Burgess M. Federalism and European Union: Political Ideas, Influences and Strategies in European Community. London, 1989; King P. Federalism and Federation. London, 1982.

не должна заслонять от нас тот факт, что федерализм является не только одной из форм государственного устройства. Федерализм как принцип содержит в себе цель – достижение большей свободы человека. Вследствие этого федерализм имеет имманентную глубинную тенденцию к превращению в форму общественного устройства. Будучи характеристикой государственного устройства, он по самой своей природе должен стать характеристикой общественного устройства. Исходя из этимологии термина и его первоначального смысла «федерализм» представляет собой договор, согласие людей на совместное управление общими делами»⁷.

Мы также разделяем точку зрения автора о том, что федерализм в историческом контексте имеет вектор развития от формы государственного устройства к форме общественного устройства⁸. Об этом мечтали и европейские, и американские федералисты.

Одна из целей нашего повествования – попытаться воссоздать эту «федералистскую традицию», так часто ускользавшую от внимания отечественных, да и многих зарубежных исследователей европейской интеграции. Вполне понятный прагматизм побуждает их при исследовании *современного* состояния европейской интеграции в лучшем случае торопливо проскакивать предысторию «федералистского проекта», а то и вовсе игнорировать этот, казалось бы, малоинтересный сюжет. Между тем история продвижения в сознании европейцев идеи единой Европы отмечена такими великими именами, как Данте, Гуго Гроций, В. Гюго. Она поучительна хотя бы исторической интуицией и удивительной прозорливостью авторов европейских федералистских проектов.

Недооценка глубоко продуманных (не будет большим преувеличением сказать – выстраданных) проектов единой Европы, выдвигавшихся, в частности, сторонниками федеративной Европы, обусловила те трудности, с которыми столкнулись «еврократы» как в начале создания институтов ЕС, так и после подписания Маастрихтского, Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров.

Эти договоры вовсе не стали событиями, поставившими точку в решении проблем европейского строительства. Напротив, они обозначили ряд новых проблем. В частности, вновь и вновь поднимается проблема дефицита демократии в функционировании ставшей огромной и подчас неповоротливой бюрократической машины ЕС. На повестке дня остро стоит вопрос дальнейшего ограничения суверенитета государств – членов ЕС. Число страждущих поскорее вступить в престижный Союз грозит превратить его в избыточную международную структуру, раздираемую внутренними противоречиями, весьма далекую от европейской федерации.

Внутренние противоречия Европейского Союза с новой силой проявились после объявления результатов референдума в Великобритании 23 июня 2016 г., когда 51,9% участвовавших в голосовании высказались за выход страны из Европейского Союза. Лидеры националистических партий Франции, Италии, Нидерландов и Финляндии выступили за проведение аналогичных консультаций в своих странах, надеясь повторить ситуацию с *Brexit*. Во многом эта ситуация возникла как реакция на то, что ряд аналитиков окрестили «европейской интеграцией втихомолку», имея в виду нарастание тенденций к технократическому и административному регулированию функционирования Союза брюссельской бюрократией в ущерб федералистским методам управления.

Эти и другие проблемы постарался осветить автор. Это исследование в первую очередь адресовано российскому читателю, невольно соотносящему опыт ЕС с опытом «социалистической» интеграции, распадом СССР и созданием СНГ, переживающим сейчас нелучшие времена. Ему прежде всего было бы интересно проследить пути, по которым шло создание

⁷ Тэнс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. С. 5–6.

⁸ Там же. С. 9.

Европейского Союза, понять, что в конце концов побудило западных европейцев объединиться и заставляет других европейцев нетерпеливо ждать своей очереди доступа в «европейский дом». Этому читателю, видимо, необходимо осмыслить и трудности эволюции Европейских Сообществ в Европейский Союз, и проблемы сегодняшнего дня наряду с теми, без преувеличения, выдающимися и впечатляющими достижениями, которых достигло европейское строительство; наконец, ему небезынтересно дальнейшее развитие отношений ЕС с восточными партнерами, в частности с Россией, несмотря на возникшую в 2014 г. «паузу».

Автор учитывал степень разработанности тех или иных проблем отечественными исследователями, отсюда многочисленные отсылки к их трудам. В то же время он проявил, возможно, некоторую самонадеянность, заострив внимание на вопросах, которые, по его мнению, еще недостаточно разработаны в нашей научной литературе. Во всяком случае, несомненно одно: европейская тема имеет для стран СНГ, для интеграционных процессов в Евразии, для России очевидное актуальное звучание.

И еще одно замечание, имеющее непосредственное отношение к данной работе. Интернет не убил окончательно интереса к печатному слову. Общение автора со студентами показало, что они нуждаются в углубленном познании интересующих их проблем. Удовлетворить эту потребность могут только специальные издания. Отсюда многочисленные библиографические отсылки, которые имеют целью дать ориентиры для углубленного изучения затрагиваемых вопросов.

Автор благодарен сотрудникам Международного центра европейской подготовки в Ницце, куда его привел светлой памяти Александр Марк, за возможность использовать его архивы и библиотеку, беседовать с живыми свидетелями и активными участниками европейского строительства. Данью памяти нашему соотечественнику, стоявшему у истоков современного европейского федерализма и федералистского движения, послужит очерк его жизни и творчества в Приложении II.

Особая благодарность неутомимому руководителю Центра в течение последних десятилетий и моему другу Клоду Нигулю за предоставленные материалы и ценные «наводки».

Глава I

Предыстория европейской интеграции

В истории европейского строительства, понимаемого как создание панъевропейских структур, можно выделить три периода, оговорившись, что такая периодизация достаточно условна.

Вначале было Слово – утопические проекты объединения народов европейского христианского мира. Данный период можно также охарактеризовать как время неустойчивых союзов, протоимперий и империй, в которых волею судеб проживают вместе несколько народов. Это своего рода *предыстория* панъевропеизма, длящаяся до Первой мировой войны 1914–1918 гг. Происходит как бы фиксация общественного сознания на возможности преодоления государственной разобщенности европейских народов, установления вечного мира на европейском пространстве.

Следующая стадия европейского строительства – это время развернутых, но по разным причинам не реализованных проектов общественных и политических деятелей по объединению западноевропейских государств в союз или федерацию. Это уже *история* европейской интеграции, питающая своими идеями последующее европейское строительство, готовящая европейское общественное мнение к реализации проектов единой Европы.

Наконец, стадия практики европейского строительства, начавшаяся вскоре после Второй мировой войны и продолжающаяся по сей день, – период реализации европейских проектов, их корректировки с учетом европейской и мировой политической, военно-стратегической, экономической конъюнктуры.

Интересно, что к идее единой Европы в далеком прошлом мыслители шли двумя совершенно разными путями. С одной стороны, ее проявление у носителей передовых идей было вызвано сценами разрушений и войн как надежда на установление вечного мира: благодаря образованию единых органов по соблюдению мира и согласия между европейскими правителями создавалась бы, выражаясь современным языком, система европейской безопасности. Таковы были воззрения Данте, Дюбуа, Гуго Гроция и других мыслителей. С другой стороны, панъевропейские идеи исходили и от исторических деятелей, не скрывавших гегемонистских устремлений, достаточно назвать Карла Великого (742–814), Карла V (1500–1558), Наполеона I (1769–1821), не считая политических деятелей и авантюристов меньшего калибра. Их попытки имперской интеграции европейских народов имели, несмотря на большой хронологический разнос, общие черты: насилие над «объединяемыми» народами и неизбежные войны.

Естественно, в поле зрения нашего исследования попадают прежде всего проекты мирного объединения Европы, хотя история европейских империй тоже весьма поучительна. Прежде чем перейти к анализу идей единой Европы, вспомним основные формы интеграционных структур, когда-либо существовавших на Европейском континенте.

§ 1. Интеграционные тенденции в политической истории Европы

Народы, проживающие на Европейском континенте, накопили солидный исторический опыт создания наднациональных интеграционных структур. Не впадая в ревизионизм и не прибегая к подгонке фактов к требуемой теме «Европейская интеграция», постараемся все же выделить некоторые прецеденты, формировавшие исторический опыт европейцев.

Историческая память европейцев сохранила воспоминания об античных формах объединения народов, позволявших обеспечивать их безопасность, расцвет ремесел, торговли, интенсивный культурный обмен. Уже древние греки различали такие формы интеграции, как *амфикистия* – религиозный союз с центром в Дельфах, затем в Афинах; *симмахия* – своего рода договорная конфедерация, имеющая общие вооруженные силы, общие представительные органы (Пелопонесский союз во главе со Спартой, два афинских союза, Делосский союз); *симполия*, или *полития*, – территориальная федерация, состоящая из нескольких субъектов: Фессалийская симполия V в. до н.э., состоявшая из *тетрад*, Беотийская симполия, состоявшая из *мерес*, а также описанные Гомером в «Илиаде» и «Одиссее» союзы греческих государств – *архэ*⁹.

Одна из самых захватывающих страниц древней истории – империя Александра Македонского, объединившая обширные завоеванные территории и народы от Балкан до Индии, но этой империи было не суждено пережить своего основателя¹⁰. Хотя все же одно последствие такой своеобразной интеграции зафиксировано историками: слияние в единое целое эллинов и македонян, особенно в военных поселениях. Одной из причин «срастания» двух народов немецкий автор Ф. Шахермайр считает «утрату переселенцами – как греками, так и македонянами – мелочного тщеславия и узкого городского патриотизма»¹¹.

Определенные черты федерализма носила территориальная организация республиканского и имперского Рима, состоявшего из *civitates foederatae*. Однако древнеримские «федерации» были лишь формой перехода от разросшегося полиса к империи, условия колонизации все новых и новых народов требовали подчас гибкости в отношении господства и подчинения, допускалась и определенная автономия завоеванных областей. Однако назвать этот конгломерат завоеванных народов некоей исторической формой федеративной интеграции вряд ли правомерно: в отличие от греческих объединений полисов здесь отсутствовали и добровольность объединения, и его договорный характер¹².

⁹ См.: Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976; Гребенский Н.Н. Второй Афинский морской союз: проблемы федерализма в истории. Л., 1975; Залобовина Г.Т. Характер Второго Афинского морского союза // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и в средние века. М., 1975. С. 45–66; Кутергин В.Ф. Политическое устройство Беотийского союза в конце V – начале IV в. до н.э. // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 109–125; Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 3–19; Он же. Эллинский союз 481 г. до н.э. и организация Афинского морского союза: Дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1970; Строецкий В.М. Возникновение и структура Пелопонесского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975; Тарасенко В.С. Из истории образования Этолийского и Ахейского союзов // Уч. зап. Калинин. пед. ин-та. 1963. Т. 35. С. 170–211; Фролов Э.Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 45–63; Цинзерлинг Г.Д. Перерождение второго Афинского морского союза в Афинскую архэ IV в. до н.э. // Вестник древней истории. 1972. № 4. Из зарубежных работ см.: Freeman E.A. History of Federal Government in Greece and Italy. Oxford, 1863; 2nd ed. New York, 1972.

¹⁰ Балашова Е.В. Империя Александра Великого как непрочное военно-административное объединение. М., 1953; Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

¹¹ Шахермайр Ф. Александр Македонский: Пер. с нем. М., 1984. С. 354.

¹² До сих пор не устарела работа, в которой анализируются государственно-правовые стороны римского территориального устройства: Le Fur L. État fédéral et confédération. Paris, 1896. См. также: Азимов А. Римская республика. М., 2003; Елизарова Н.М. Провинциальная политика Рима в период империи Юлия Цезаря. Л., 1955; Нечай Ф.М. Образование римского государства. Минск, 1972; Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Тысячелетняя (V–XV вв.) история Византийской империи имела своим результатом сплав латинского, эллинского, славянского элементов на обширных территориях бассейнов Средиземного и Черного морей, Малой Азии¹³. В период своего расцвета (середина IX–XII вв.) Константинополь – очаг европейских культуры и религии – так и не стал экономическим и политическим центром и уже по этой причине не мог претендовать на ведущую роль в интеграции всей христианской Европы, хотя и имел выдающееся значение как своеобразный мост между Западом и Востоком.

Для нас византийская эпоха интересна еще и тем, что обогатила взаимоотношения между европейскими народами и государствами, введя понятия союза и подчинения¹⁴. Так, по учению Прокопия Кесарийского состояние союзничества предполагает политическую независимость, а понятие подвластных – разные степени несвободы: внесение податей, несамостоятельность в выборе правителя и обязанность выступать в поход вместе с императором, хотя, как отмечает С.А. Иванов, «в условиях этнической пестроты, подвижности границ и неустойчивости политических образований в VI в. грань между «своими» и «присоединенными» часто оказывалась зыбкой»¹⁵. В знаменитых Дигестах императора Юстиниана (правил с 527 по 565 г.) в титуле «О пленных, о праве постлиминия и о выкупленных у врагов» есть положения, актуальность которых несомненна: «Если один народ воспринимает другой как высший, это не значит, что он не свободен, подобно тому, как мы рассматриваем наших клиентов как свободных людей даже при том, что они не превосходят нас ни влиянием, ни достоинством, ни богатством. Точно так же те народы, которые добровольно признают наше величие, следует считать свободными»¹⁶.

В то время, когда Юстиниан составлял Дигесты и одновременно вел войну с остготами, на Западе Европы формировалось Франкское государство – самое обширное из конфедеративных объединений разных племен и народов, созданных на территории бывшей Римской империи Хлодвигом и его наследниками Меровингами¹⁷. Примечательно, что, подобно византийцам, франки уже на ранних стадиях формирования союза племен, составивших Франкское государство, производят в Северной Галлии записи народных и судебных обычаев, первой из которых стала классическая «*Lex Salica*» – «Салическая правда». В Южной Галлии продолжает применяться писаное римское право. Происходит также христианизация языческих германских племен (Хлодвиг принял католичество), усиливается взаимовлияние хозяйственного уклада галло-римлян и германцев. Языки обеих частей королевства имеют равное хождение и также испытывают влияние друг друга. Таким образом, создаются предпосылки естественной интеграции народов западной части Европы, но дальнейшая военная экспансия франков в период Каролингов, особенно при Карле Великом (768–814), захват Саксонии, войны с Испанией и Италией положили конец относительно мирному периоду VII–VIII вв. с его медленной интеграцией входивших в государство «территорий». Провозгласивший себя в 800 г. римским императором Карл Великий претендовал на роль не только главы обширной империи, но и главы церкви, мечтая объединить всю Европу под своей властью. Результатом такого агрессивного экспансионизма стал развал империи Каролингов вскоре после смерти правителя¹⁸. Уси-

¹³ Самым фундаментальным трудом по византийской истории остается «История Византии» в трех томах, вышедшая в 1967 г. под редакцией академика С.Д. Сказкина. В ней читатель почерпнет немало сведений о культурных, богословских, правовых традициях Византии, о мощном воздействии этих традиций на окружающий мир. Так, власть патриархов Константинополя в восточнохристианском мире, утвердившаяся в 381 г., условно продолжается по сей день (предстоятель Константинопольской церкви носит титул вселенского патриарха).

¹⁴ Иванов С.А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 27–32.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Iustiniani Digesta, XLIX, 15, 7.

¹⁷ См.: Корсунский А.С. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Лебек С. Происхождение франков. М., 1993.

¹⁸ Об этом периоде см.: Тейс Л. Наследие Каролингов. IX–X века. М., 1993. См. также: Ле Гофф Ж. Рождение Европы:

лившаяся феодализация отдельных частей империи, отсутствие экономических связей между ними, возросшая неоднородность этнического состава неизбежно провоцировали центробежные тенденции, дробление империи на королевства и более мелкие владения. За год до Верденского раздела (843 г.) империи между внуками Карла Великого они принесли в Страсбурге клятву верности делу деда, обратившись к своим вассалам на германском и романском (старофранцузском) наречиях. По иронии судьбы 11 веков спустя именно Страсбург станет столицей объединенной Европы, а локомотивами объединительных процессов будут Франция и Германия...

И все же, несмотря на неудачу создания общеевропейской империи как преемницы Римской империи, к достижениям Карла Великого следует отнести попытку введения единообразия в пеструю правовую систему Каролингской империи. Так называемые *капитулярии* предназначались для применения всеми народами империи как единый закон. И хотя эта унификация не была завершена, сама идея единого европейского права легла в матрицу будущей «европейской идеи», как, впрочем, и единая финансовая система, учрежденная Карлом, в которой денежной единицей была серебряная монета – *дене*.

«Священная Римская империя германской нации», провозглашенная в начале XVI в. Карлом V, была конгломератом немецких феодальных княжеств, имперских городов и ряда государств, которые он унаследовал по материнской линии (Испания, Чехия, австрийские земли, часть Венгрии, Нидерланды, север Италии). Можно квалифицировать это образование как временное династическое владение Габсбургов. Вместе с тем впервые со времен Цезаря многие народы Западной Европы жили, хотя бы временно, в формальном объединении.

Итак, первые европейские империи создавались завоеваниями, были недолговечными и скреплялись прежде всего силой оружия, либо правом наследования, либо династическими браками, хотя налицо уже проявление таких интегрирующих факторов, как общая религия, писанные своды законов, т.е. попытки создания единого правового пространства, сближение языков и культур¹⁹.

Объединения славянских племен и народов возникают уже в первой половине VII в., когда славяне, расселившиеся к югу от Дуная, создали политическое объединение – Союз семи племен. Когда в 70-е гг. VII в. на эту территорию вторглись кочевники – тюрки, хан Аспарух образовал в 680 г. государство Болгарию, причем болгарами стали именоваться и южные славяне, и тюрки. «Этноним *болгары* был, таким образом, заимствован славянами из названия тюркского племени *булгары*, причем тюркский этнический элемент был полностью ассимилирован славянами»²⁰. Ассимилировали славяне и местное фракийское и греческое население. Византийское влияние сказалось на принятии христианства (865 г.), а 20 лет спустя гонимые из Моравии ученики Кирилла и Мефодия стали распространять славянскую письменность среди болгар. Византийское господство в Болгарии (1018–1185) лишь усилило интеграционные культурно-религиозные процессы на Южных Балканах.

Объединения IX–X вв. славянских племен сербской группы оказались непрочными; противоречия между князьями – жупанами, соперничество Рима и Константинополя за право христианизации сербских племен обусловили отсутствие церковного единства Сербии, что сказалось и на культурном единстве северо-балканских славян. Достигшая наивысшего могущества при Стефане Душане (1331–1355), многонациональная держава Сербии и Романии разбилась вскоре после его смерти на тысячу осколков, став добычей турецких султанов.

Пер. с фр. СПб., 2014. Гл. II «Независимая Европа: эпоха Каролингов. VIII–X века».

¹⁹ Folz R. L'idée d'Empire en Occident du Ve au XIV siècle. Paris, 1953.

²⁰ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 35.

Принявшие католичество западные славяне и венгры не смогли противопоставить натиску соседей объединенные силы и в течение нескольких веков входили в состав более сильных держав, не растворяясь в них.

Киевская Русь – обширное государство, сформировавшееся к середине XI в., – придала интеграционным процессам восточных славян особую динамику. Хотя к этому времени история восточных славян насчитывала уже два тысячелетия²¹, именно Киевская Русь стала, по мнению академика Б.А. Рыбакова, «третьей по счету (после Рима и Византии) европейской империей»²². Почему именно Киев стал геополитическим центром огромного пространства от Черного до Белого моря? Академик Б.А. Рыбаков дает свое объяснение: «Исторический путь дальнейшего развития славянских племен Восточной Европы был намечен и предопределен ситуацией VI–VII вв., когда русский союз племен выдержал натиск кочевых воинственных народов и использовал свое положение на Днепре, являвшемся путем на юг для нескольких десятков северных племен днепровского бассейна. Киев, державший ключ от днепровской магистрали и укрытый от степных набегов всей шириной лесостепной полосы стал естественным центром процесса интеграции восточнославянских племенных союзов...»²³ Объединительной роли Киева способствовали и его интенсивные экономические, культурные связи с Византией и славянскими народами, его активная дипломатия²⁴. Все это позволило ему быть на протяжении нескольких веков важнейшим интегрирующим звеном всех восточных славян, пока нашествие орд Батыя и межкняжеские раздоры не нанесли Киевской Руси сокрушительные удары. Ни Новгород, ни Владимир при всем их величии не смогли стать объединительным центром восточных славян. Позднее эту роль возьмет на себя Москва.

Естественно, все отмеченные формы территориальной интеграции не претендовали, за исключением, пожалуй, Священной Римской империи Карла V, на роль панъевропейских объединений. Но и империя Карла V скреплялась не договором, а захватами и династическими связями, чем обусловлена ее недолговечность.

Формой военно-оборонительного и политического союза, основанного на договоре, можно считать средневековые унии: Кальмарскую унию (1357 г.) между Данией, Норвегией и Швецией, Кревскую унию (1385 г.) между Польшей и Литвой, Утрехтскую унию (1579 г.) семи самостоятельных нидерландских провинций и др. Однако эти унии были географически ограниченными.

Подлинную предысторию европейской интеграции следует, очевидно, искать в глубинных пластах европейской истории. Под глубинными пластами мы подразумеваем не столько «историю событий», сколько ту «подспудную» историю, которая создавалась идеями, европейской цивилизацией.

²¹ См.: Гобарев В.М. Предыстория Руси. Ч. 1 и 2. М., 1994; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Он же. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники. Л., 1983; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Л., 1980.

²² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 5.

²³ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 285

²⁴ См. подробнее: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

§ 2. Единая Европа как общецивилизационное пространство

В основу «европейской идеи», безусловно, легло понятие «европейская цивилизация»²⁵, характеризующее определенный уровень общественного развития и материальной культуры, совокупность ценностей и отличительных черт европейской географической и исторической общности людей.

Европейская цивилизация – одна из важнейших составляющих мировой цивилизации, а на протяжении ряда веков в силу различных причин – и доминирующая составляющая. У этой цивилизации глубокие экономические, политические, культурные, религиозные, правовые и иные истоки²⁶. О компонентах европейской цивилизации и ее меняющихся географических очертаниях можно было писать много, так же как и спорить о «закате» Европы и европейской цивилизации²⁷. Предельно четко суть европейской цивилизации и «идеи Европы» выразил один из основателей европейского федералистского движения Д. де Ружмон: «Европа создавалась иудейско-христианской религией, греческим понятием личности, римским правом, культом объективной истины – и вопреки национализму»²⁸. Как человек, прошедший в молодости школу марксизма, автор добавил бы в составляющие европейскую цивилизацию элементы еще и «экономический уклад», либо «дух капитализма».

Средневековый европейский мир стал амальгамой античного и варварского миров, скрепленных христианством, получившим на территории Европы повсеместное распространение в V–X вв. «Именно в горниле средневекового христианства окончательно сложилась идея Европы на базе единства религиозной веры»²⁹, – подчеркивает швейцарский исследователь Ж. Котье. Ему вторит Ж. Ле Гофф: «На всем протяжении каролингского и послекаролингского периодов – в IX и X вв. – в текстах чаще, чем принято считать, возникает понятие «Европа»; и вопреки частым утверждениям оно не является чисто географическим названием; кстати, «чисто географическое название» – понятие вообще бессмысленное. Географические названия не столь невинны. Использование понятия «Европа» означало чувство некой общности, которая возникла до повсеместного принятия христианства; потом, начиная с XI в., это чувство единства и общности, которое у самих «европейцев» сохранилось и даже усилилось, наполняется новым смыслом, и чаще всего его понимают как чувство принадлежности к христианскому миру»³⁰.

Христианство с самого своего возникновения, еще с катакомбного периода, выступает как религия интернациональная, объединяющая верующих, независимо от их национальности. При всей спорности выводов К. Каутского он, безусловно, прав, подчеркивая, что Христос явил себя миру как «интернациональный спаситель», в отличие от мессианских чаяний иудеев,

²⁵ Здесь не место возобновлять дискуссии о критериях понятия «цивилизация» и об условности классификации цивилизаций, предпринятой, например, А.Дж. Тойнби (см.: *Тойнби А.Дж. Постигание истории*: Пер. с англ. М., 1991. С. 77–79). Примем понятие «европейская цивилизация» за аксиому. См.: *Борко Ю.А. Европейская цивилизация и европейская идея // Общевропейский процесс и гуманитарная Европа*. М., 1995. С. 101–116.

²⁶ В обобщенном виде эти истоки анализируются в работах: *Наринский М., Карев В. Общие истоки европейской цивилизации // Европейский альманах. История. Традиции. Культура*. М., 1991. С. 18–29; *Котье Ж. Эти ценности создали Европу // Там же*. С. 30–46. Обращаем внимание читателя на серию «Становление Европы». Первой книгой в ней стало издание: *Ле Гофф Ж. Рождение Европы*: Пер. с франц. СПб., 2014.

²⁷ Отошлем к работе: *Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы*. М., 1993. С. 5–122.

²⁸ *Rougmont D. de. L'Europe en jeu*. Neuchatel, 1948. P. 13.

²⁹ *Котье Ж. Указ. соч.* С. 37.

³⁰ *Ле Гофф Ж. Указ. соч.* С. 81.

носивших чисто национальный характер³¹. Иными словами, первым объединителем европейцев стал образ Христа.

Первые крестовые походы и взятие в 1099 г. святого града Иерусалима знаменовали собой не только начало эпохи противостояния мировых религий, но и формирование рыцарства – прототипа европейцев-интернационалистов. В отрядах крестоносцев можно было встретить рыцарей со всей Европы – от Португалии до Чехии. Рыцарские ордены, как и европейское «пульсирующее» монашество³², стали хранителями общеевропейских христианских ценностей. Европейские монастыри и религиозные ордены обеспечивали преемственность античных традиций: переписывались трактаты античных авторов, религиозное обучение основывалось на глубоком знании греческих и римских текстов, этими традициями затем сполна воспользовались гуманисты Возрождения.

Христианство – прежде всего его гуманистическая традиция – стало питательной средой новой культуры, – культуры Возрождения. «Возрожденческий человек мыслил себя в первую очередь творцом и художником наподобие той абсолютной личности, творением которой он себя сознавал»³³. Именно во Флоренции впервые формируется мощный пласт общеевропейской культуры, еще пропитанной идеями и образами христианства, но уже вполне светской. Из Флоренции вынесет Данте свои идеи общеевропейской монархии, утверждающей мир и права человека.

Особенностью европейской культуры, пропитанной идеями христианства, было то, что благодаря этому она была понятна широким массам европейцев³⁴. При этом как достаточно автономная сфера духовной жизни культура обеспечивала коммуникативные связи между людьми вне всяких границ. Уже бродячие певцы и поэты-трубадуры, труверы, ваганты не знали государственных границ, воспевая любовь, воинскую доблесть, достоинство и честь. Именно в эпоху раннего Возрождения, как и в эпоху греко-римскую, вновь формируется европейская интеллигенция, из которой вышли первые идеологи панъевропеизма. В первые европейские университеты, обучение в которых велось на латинском языке, съезжалась студенческая молодежь и ученые со всей Европы³⁵.

Подъем европейской культуры в эпоху Возрождения означал переход от деревенской, сельской к городской культуре. «Возрождение – это городская культура, под которую подведен идейный фундамент»³⁶, – писал А.К. Дживелегов. В более широком плане европейский город создавал не только культурно-бытовой уклад жизни, но и прежде всего уклад социально-экономический.

В политической истории Западной и Восточной Европы X–XII вв. время начавшегося экономического подъема, роста городов – важный рубеж. В пришедших в запустение городах галло-римской эпохи возрождаются ремесла, товарно-денежные отношения все больше теснят натуральный обмен. Уже в X в., золотом веке ярмарок, поселения городского типа (города, бурги, бастиды) расширяют свою территорию, превращаются в торгово-ремесленные центры. К этому времени затихают, хотя и временно, междоусобные войны, а смешавшиеся с местным населением и перешедшие к оседлому образу жизни варвары прекращают свои набеги.

В европейской науке сложилось комплексное понимание природы европейского города. Так, для М. Вебера средневековый европейский город – это и рыночное поселение, и укрепленный пункт, и автономная корпорация, и «общественная организация официального харак-

³¹ Каутский К. Происхождение христианства: Пер. с нем. М., 1990. С. 351.

³² Термин Л.П. Карсавина (см.: Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992).

³³ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1976. С. 94.

³⁴ См.: Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения. М., 1979.

³⁵ См.: Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898; Общеевропейский процесс и Гуманитарная Европа. Роль университетов / Под ред. Л.И. Глухарева и В. Страды. М., 1995.

³⁶ Дживелегов А.К. Начало Итальянского Возрождения. 2-е изд. М., 1925. С. 7.

тера», и «братство»³⁷, причем все эти признаки постоянно развиваются в ходе сложных социально-экономических и военно-политических процессов. И в экономическом, и в политическом смысле складывавшийся городской строй был отрицанием феодального строя с его тягой к натуральному обмену, жесткой иерархической подчиненностью, отсутствием индивидуальных и коллективных прав и свобод³⁸. Разумеется, такая историческая коллизия не могла происходить без острых социальных столкновений, в них и выковывается та общность (*communio*), которая легла в основу коммун, городских республик, получивших распространение повсюду в Европе – от Франции и Италии до Северной Руси. Европейская средневековая городская коммуна стала прототипом, причем прототипом универсальным, будущих институтов демократии и местного самоуправления, ставших еще одним прочным звеном в фундаменте будущей европейской интеграции. В средневековой коммуне – этом сложном политико-юридическом и социальном организме – мы видим зарождение многих традиций управления современной Европы³⁹.

Здесь мы вплотную приближаемся к истокам федерализма. На исходе Средних веков «политический федерализм» все еще черпал идеи из федерализма религиозного, точнее, реформаторского, кальвинистского толка: Реформация несла в себе немало идей, основанных на объединении таких естественных «*foedus*», как семья, конгрегации, цехи, торговые союзы (достаточно вспомнить Ганзейский торговый союз). Не случайно политико-правовое обоснование идей федерализма, особенно в Швейцарии и Германии с их территориальной раздробленностью, следует искать в трудах таких известных богословов, как Генрих Буллингер (1504–1575), создавший в 1534 г. свой труд «Единый и вечный завет, или Божественное соглашение», или Йоган Альтузий (1557–1638) с его главным трудом *Politica Methodice Digesta* (1603)⁴⁰. Оба мыслителя, оставаясь богословами, строили свои концепции политической интеграции на основе существовавших в обществе социальных связей. «Результатом должна была стать естественная структура общества, в которой семья, профессиональные ассоциации, коммуны и провинции являются необходимыми и органическими посредниками между индивидом и государством, а широкий союз всегда скрепляется прежде всего корпоративными общностями более узких союзов и вовлекает их в свои члены. В такой структуре общества каждый узкий союз как реальное и самобытное сообщество создает для себя собственную сферу жизнедеятельности и собственную правовую сферу и передает более широкому союзу только те сферы, которые абсолютно необходимы для достижения общих целей»⁴¹. Эти идеи, бесспорно, питали и идеологию американского федерализма. Это необходимо помнить и тогда, когда мы обращаемся к идеям глобального федерализма XIX–XX вв.: не случайно всплеск интереса к идеям того же Альтузия происходит в 30-е гг. XX в.

³⁷ См.: Вебер М. Город: Пер. с нем. // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 334 и др.

³⁸ Из обширной литературы на русском языке укажем на наиболее известные работы: Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902; Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., 1928.

³⁹ См.: Дживелегов А.К. Городская община в средние века. М., 1901; Костомаров Н. Северорусские народоправства. Т. 1–2. СПб., 1886; Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века: Пер. с франц. СПб., 1901. Из современных работ см.: Данилова И.Е. Итальянский город XV века. М., 2000; Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987. См. также: Ковлер А.И. Городские средневековые коммуны как тип самоуправления // Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 62–81; Он же. Разделение властей: общеевропейский контекст // Современные проблемы организации публичной власти. М., 2014. Гл. 5.

⁴⁰ Идеям «федеративной теологии» и «договорного федерализма» посвящены специальные труды: Carney F.S. The Politics of Johannes Althusius. London, 1964; McCoy C.S., Baker J.W. Fountainhead of Federalism: Heinrich Bullinger and the Covenantal Tradition. Louisville, 1991; The Covenant Connection: Federal Theology and the Origins of Modern Politics / J. Kincaid, D.J. Elazar (eds.). Durham, 1985.

⁴¹ Mogi S. The Problem of Federalism: a Study in the History of Political Theory. London, 1931. Vol. II. P. 1073–1074. См. также: Federal-Type Solutions and European Integration / C.L. Brown-John (ed.). Lanham (USA), 1995.

Отметим особую роль права как одного из основных интегрирующих элементов европейской цивилизации. Основные черты общей правовой европейской традиции, многие правовые институты и категории современных европейских правовых систем восходят к римскому праву. Очевидно, Р. Давид прав, утверждая, что «римский гений создал юридическую систему, не имеющую прецедентов в мире»⁴². Европейские правовые системы, созданные на основе римского права, стали одним из ценнейших вкладов европейцев в развитие мировой цивилизации.

Но и для самих европейцев общие правовые нормы, правовые обычаи, а говоря обобщенно – рано сформировавшаяся определенная правовая культура, стали наряду с христианизацией одним из первых объединяющих моментов. И хотя в разных регионах Европы постоянно развивающаяся практика создала несколько правовых семей и множество национальных правовых систем, бесспорным общим ориентиром оставалось и остается то, что шведский исследователь Э. Аннерс назвал «синтетической правовой моделью», обеспечивающей правовое единство⁴³.

Наконец, самым осязаемым и самым мощным фактором формирования европейской цивилизации стал хозяйственный уклад, основанный на рациональной организации производства и обмена сначала на стадии мануфактуры, а затем и на стадии промышленного предприятия. Пожалуй, лучше других охарактеризовал «дух капитализма» М. Вебер, подчеркивающий, что «несомненной фундаментальной особенностью капиталистического частного хозяйства является то, что оно рационализировано на основе строгого расчета, планомерно и трезво направлено на реализацию поставленной перед ним цели...»⁴⁴. Именно трезвый расчет побуждал флорентийских производителей шерсти открывать уже в XIV в. свои представительства во Фландрии, а английских, немецких, голландских купцов создавать подворья в Москве и Новгороде. Иными словами, единый европейский рынок был извечной потребностью европейских предпринимателей.

Единая Европа, таким образом, создавалась как единое цивилизационное пространство, в котором общие религия, культура, правовые традиции, потребности экономического обмена были мощными объединяющими факторами, несмотря на государственные границы (которые до начала XX в. были достаточно прозрачными) и национальные различия. «Европейская идея» зарождалась, следовательно, не на пустом месте.

⁴² Давид Р. Основные правовые системы современности: Пер. с франц. М., 1988. С. 51.

⁴³ Аннерс Э. История европейского права: Пер. с швед. М., 1994. С. 4.

⁴⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 94.

§ 3. «Идея Европы»: от утопии к развернутым проектам

Идея объединения народов Европы высказывалась многими мыслителями прошлого, хотя каждый из них вкладывал свой смысл в то, что сейчас принято называть «европейской идеей». Об истории формирования «европейской идеи» написаны солидные труды⁴⁵, создано Международное общество по изучению европейских идей, издающее свой журнал «История европейских идей» (*History of European Ideas*). Поскольку отечественный читатель не избалован обилием литературы на европейскую тему, позволим себе остановиться хотя бы на узловых моментах истории развития «европейской идеи».

Первым, кто провозгласил союз европейских наций, воспевая единство христиан, был Данте Алигьери, автор бессмертной «Божественной комедии», смысл которой гениально вложен в последний строфе: *L'amor che move il sole e l'altre stelle* («Любовь, что движет солнце и светила»). Но Данте был автором и большого политического трактата «Монархия», написанного в 1312–1313 гг. в разгар похода Генриха VII на Италию. Убежденный в том, что «всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства»⁴⁶, Данте выводит необходимость учреждения с благословения церкви всеевропейской монархии (империи): «...бесспорно, что весь человеческий род упорядочивается во что-то единое... следовательно, должно быть что-то одно упорядочивающее или правящее, и это одно должно называться монархом или императором. Так становится очевидным, что для благоденствия мира по необходимости должна существовать монархия или империя»⁴⁷. Эта монархия или империя не должна быть централизованным государством, напротив, она должна быть союзом в разнообразии⁴⁸, своего рода федерацией. С особой яростью обрушивается Данте на «многоголовое чудовище» – национализм, который и должен быть преодолен интегрирующей структурой европейской империи⁴⁹.

Эти идеи были затем развиты Марсилием Падуанским в его «Защитнике мира», но, в отличие от Данте, Марсилиус Падуанский обосновывал императорскую власть не божественной волей, а волей «народа». Отзвуки идеи всеевропейской монархии можно найти и в трудах Колы ди Риенцо и Петрарки. За свой панъевропеизм Петрарка удостоился у исследователей его творчества характеристики «империалиста» и «паписта»⁵⁰. А дело в том, что Петрарка, «поборник свободы, мира и согласия», предлагал расставить все по своим местам: возратить городам их независимость, народу свободу, империи могущество, главе церкви духовную власть...⁵¹

Современник Данте, французский адвокат, легист французского короля Филиппа Красивого Пьер Дюбуа предложил в 1306 г. поистине революционный проект создания «христианской республики» в европейском масштабе, своего рода конфедерацию, которая «могла бы управляться консилиумом гражданских лиц, наделенных осторожностью, опытом и верой, для которых Святой Престол стал бы возможным арбитром; при этом выносимые санкции были бы временными: конфискация имущества и высылка в Святую Землю»⁵². Отличительной чертой

⁴⁵ Существует огромная библиография по истории «европейской идеи». Отметим некоторые работы: *Buegmans H.* L'idée européenne. Bruges, 1970; *Chabod F.* Storia dell'idea d'Europa. Bari, 1961; *Heater D.* The Idea of European Unity. Leicester, 1992; *Mitterauer M.* Warum Europa? München, 2003; *The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union / A. Padgen.* Baltimore, 2002; *Voyenne B.* Histoire de l'idée européenne. Paris, 1964.

⁴⁶ Данте А. Монархия. I, IV, 3 // Малые произведения. М., 1968. С. 308.

⁴⁷ Там же. I, V, 9–10. С. 310.

⁴⁸ Там же. I, VI, 3–4.

⁴⁹ О политических идеях Данте см.: *Баткин Л.М.* Данте и его время. Поэт и политик. М., 1965. Гл. I «Утопия всемирной монархии».

⁵⁰ *Пинто М.* Петрарка и его политическое значение. СПб., 1867. С. 42.

⁵¹ См.: *Корелин М.С.* Очерк из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Миросозерцание Франческо Петрарки. М., 1899; *Он же.* Петрарка как политик // Очерки итальянского Возрождения. М., 1896.

⁵² Цит. по: *Sainte Lurette L. de.* L'idée de l'Union fédérale européenne. Paris, 1955. P. 12.

проекта П. Дюбуа следует признать его реализм. П. Дюбуа смог оценить составляющие элементы современного ему политического мира: он убедился, что всемирная монархия невозможна и основная проблема – это сосуществование в мире суверенных государств. Будучи юристом, он понимал, что правовым способом устранения разногласий между государствами может быть только арбитраж. Ученый рекомендовал прибегнуть к процедурам, уже привычным в его время: консилиум, созываемый папами, стал с XII в. своеобразным международным арбитражем; санкции, налагаемые им, также были обычными для правовой практики того времени.

Проект Дюбуа не был реализован прежде всего из-за противодействия Ватикана. «Если этот проект не нашел отклика, то это произошло потому, что в то время было мало людей, которые так же реалистически смотрели на вещи, как автор проекта. Он был слишком реалистичен для своего времени», – писал впоследствии один из историков⁵³. Но Дюбуа ждала посмертная слава. Рукописная часть проекта в его труде «*De recuperatione Terra Sancta*» с подзаголовком «Исследование общей политики» была опубликована в 1616 г. французским дипломатом и эрудитом Жаком Бонгарсом, дипломатическим агентом Генриха IV при Священной Римской империи⁵⁴. Впоследствии вдохновенные строки посвятил Дюбуа Эрнест Ренан в его знаменитой литературной истории Франции, его имя вошло в историю «европейской идеи».

Король Богемии Иржи (был избран королем Богемии гуситами и правил в 1458–1471 гг.), стремясь обеспечить мир в Европе и одновременно избежать анархии суверенитетов, предложил проект *Congregatio concordiae* из 21 статьи. Этот проект впервые предполагал создание европейской конфедерации, управляемой Сеймом, где каждая нация получала по одному голосу, и Собранием христианских королей и князей, принимающих решения простым большинством голосов. Его автор предлагал также учредить Верховный Суд или Консисторию, процедуру международного арбитража, совместные вооруженные силы и федеральный бюджет. Иржи предусмотрел и такие «детали», как общий герб, казна, печать, архивы, общие налоговые инспекторы (прокуроры) и общие чиновники европейского объединения. Ж. Ле Гофф открыто пишет: «Очевидно, этот король, живший в XV в., предложил самый лучший проект Европейского Союза, который с таким трудом строится шесть столетий спустя, и самое внятное объяснение целей его существования – создание Европы мира»⁵⁵. Жаль, что этот источник малодоступен широкому читателю⁵⁶. И этот проект, намного опередивший свое время, был, как и проект Дюбуа, отвергнут папой Павлом II. Зато на родине короля Иржи в Подебрадах под Прагой ему поставлен памятник с красноречивой надписью: «Королю Иржи – основателю единой Европы».

Конец XV в. стал одновременно и началом конца монополии Ватикана на истину: Возрождение и Реформация, гуманизм и рационализм наносят христианской идеологии серьезные удары. Светская Европа стремится самоорганизоваться, но наталкивается на новое препятствие: формирование европейских наций сопровождается ростом претензий государств –

⁵³ Lange Ch. Histoire de l'internationalisme. Chistiania, 1919. Т. 1. Р. IV.

⁵⁴ Gesta Dei per Frances / J. Bongars (ed.). Hanover, 1611.

⁵⁵ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 241. По оценке В.М. Корецкого, «перечисление мирных средств урегулирования поразительно по совпадению (в значительной мере) с перечислением этих средств, данных в ст. 33 Устава ООН (путем переговоров, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства)» (Корецкий В.М. Проект Иржи Подебрада об организации мира и современность // Корецкий В.М. Избранные труды. Киев, 1989. Кн. 2. С. 400; цит. по: Институты международного правосудия. М., 2014. С. 99).

⁵⁶ По сведениям, почерпнутым в указанной книге Ж. Ле Гоффа, текст проекта короля Иржи (в его латинской версии 1464 г. «Единство» – «*Universitas*») был назван его переводчиком К. Гелинеком «Трактатом о Европе». На родине автора он был издан в 1964 г.: The Universal Peace Organization of King George of Bohemia: A Fifteenth Century Plan for World Peace, 1462–1464. Prague, 1964. В 1992 г. Ж.-П. Фей воспроизвел его в своем сборнике «Европа Единая» (Faye J.-P. L'Europe unie. Les philosophes et l'Europe. Paris, 1992). Ж. Ле Гофф заключает: «В середине XV века говорить о единой Европе было еще слишком рано, но замечательно, что некий, если так можно выразиться, совершенно нетипичный правитель выдвинул эту идею, потрясающую по своей современности» (Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 284).

наций на свой суверенитет, что влечет за собой не только национал-государственный изоляционизм, но и многочисленные войны за овладение своими «историческими» территориями. Вестфальская система международных отношений как система отношений суверенных государств-наций, утвержденная Вестфальским мирным договором 1648 г., надолго определила общее направление развития «Европы государств».

На этом фоне идея единой Европы могла возродиться только как право народов на мир в рамках международного договора. Появляются проект панъевропейского мирного договора доминиканского богослова и юриста Франциско де Виттории (1580–1648), проект мирного устройства Европы герцога Сюлли (1560–1641), приписываемый им Генриху IX, который основывался на трех принципах:

1. Стабильность каждого входящего в объединение государства, обеспечиваемая религиозной и иной терпимостью, благосостоянием населения и территориальной неприкосновенностью (принцип нерушимости границ, как сказал бы современный юрист-международник).

2. Равновесие государств (число которых определялось в 15 так называемых доминаций) путем выравнивания их материальной мощи и обеспечения свободы торговли.

3. Европейская солидарность, основанная на урегулировании конфликтов путем арбитража и коллективных санкций⁵⁷.

Более известен труд Гуго Гроция «О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право народов, а также принципы публичного права» (1625 г.), появившийся в разгар Тридцатилетней войны. В нем Гуго Гроций предлагал создание настоящей Лиги Наций, объединяющей христианские народы, в которой споры между государствами рассматривались бы третьими, незаинтересованными, странами с целью побудить стороны прийти к согласию на приемлемых условиях. При этом автор исходит из примата всеобщего божественного права над правом одного народа.

Подобные проекты не были редкостью для Нового времени. Напомним, что с 1513 г. существовал Швейцарский союз 13 кантонов, с 1579 г. по Утрехтской унии – Соединенные провинции Нидерландов – квазифедеративные объединения, своего рода вызов Вестфальской системе государств-наций. Открывалась перспектива реализации проекта, основанного на христианских ценностях и сосуществовании различных народов в рамках объединения, обеспечивающего мир и спокойствие народов и гарантирующего автономию и идентичность каждого члена. Но проекты XVII в. уже шли дальше военно-политического союза государств, ибо предполагали некое подобие федерации с политическими институтами и общими органами управления и правосудия. Зарождались проекты, которые уже можно с уверенностью назвать федералистскими⁵⁸.

Почти одновременно с трактатом Гуго Гроция в 1623 г. выходит труд французского богослова Эмерика Крюсе «Новый Киней, или Речь государственного мужа, представляющего возможности и средства достижения всеобщего мира и свободы торговли для всех. Монархам и суверенным князьям нашего времени»⁵⁹. В нем он предлагал учредить постоянно действующее Собрание или Сенат, в которых заседали бы представители европейских государств. Для этого предлагалось определить какой-либо город, в котором постоянно находились бы полномочные представители монархов, с тем чтобы при необходимости выносить на суд Собрания все возникающие конфликты.

⁵⁷ Проект Сюлли см. в публикации: *Sully duc de. Le Grand Dessein // Rolland P. L'unité politique de l'Europe. Histoire d'une idée. Bruxelles, 2006.*

⁵⁸ Отсылаем к интересной работе: *Cavaletto G. L'idée fédérale en Europe au XVII siècle. Paris, 2004.*

⁵⁹ *Crucé E. Le Nouveau Cynée ou discours d'Etat représentant les occasions et moyens d'établir une paix générale et liberté du commerce par tout le monde. Aux monarques et princes souverains de ce temps. Paris, 1623.*

Иоанн Комениус (латинизированное имя Яна Коменского) в своем трактате «Панегерсия, или Всемирное Пробуждение» (1645 г.)⁶⁰ обосновывал гигантский проект всемирной федерации, которая была бы объединением политическим, религиозным, культурным.

В 1693 г. британский квакер Уильям Пенн, автор самой демократической из американских конституций – Конституции штата Пенсильвания, выступает с «Трактатом о настоящем и будущем мире в Европе через учреждение европейской Ассамблеи, Парламента или Палаты государств»⁶¹

⁶⁰ *Comenius J.A. Panegersia ou Réveil Universel. Amsterdam; Paris, 1645.*

⁶¹ *Penn W. Essay towards the Present and Future Peace of Europe by the Establishment of an European Dyet, Parliament of Ententes. London, 1693.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.